

30.12.92

Мандельштам О.

Вначале — интрига. Тайна.
Вот стихотворение Осипа Мандельштама. Оно опубликовано в томике «БП». Названия нет. Просто номер — 44. За-
номеровали, конечно. публикаторы-соста-
вители, а не поэт. Дело не в этом.

**В таверне воровская шайка
Всю ночь играла в домино.
Пришла с яичницей хозяйка;
Монахи выпили вино.**

**На башне спорили химеры:
Которая из них урод?
А утром проповедник серый
В палатки призывал народ.**

**На рынке возятся собаки.
Менялы щелкает замок.
У вечности ворует всякий,
А вечность — как морской песок.**

**Он осыпается с телеги, —
Не хватит на мешки рогож.
И, недовольный, о ночлеге
Монах рассказывает ложь.**

Вопрос: о чем стихотворение? В чем его смысл?

Примечание скупо сообщает чисто тех-
ническую информацию: первая публика-
ция — октябрь 1913-го. Еще примечание
просвещает: «Химеры — скульптурные
изображения фантастических чудовищ на
верхней балюстраде собора Парижской
богоматери». Такие сноски уместны, по-
жалуй, в детгизовском издании Гюго. В
книге Мандельштама — первой после 40
лет безмолвия с нищенским тиражом в
10.000 — это просто неприлично.

Чему посвящено? кому? — неизвестно.
Попробуем сами.
Где происходит дело? Когда?
Таверна — Италия.
Воры — везде. Италия подходит.
Монахи — много где. Италия подходит.

Химеры — Париж? Так уж мы привыкли,
что химеры только на Нотр-Дам де Пари,
но это не совсем так, уверяю вас. Италия
опять подходит. Вообще, пока что нам
рисуют Западную Европу, не так ли?

А проповедник, призывающий в палат-
ки, — это либо Америка, либо все та же
Европа, но давно.

Александр Минкин ИСТОЧНИК

Рынок, собаки, меняла — это или Во-
сток, или все та же Европа, но давно.
И вдруг — художник бросает кисть, бро-
сает картинку и начинает фи-ософство-
вать о вечности:

**«У вечности ворует всякий,
А вечность — как морской песок».**
В смысле — очень много времени. «Как
песку морского». Сравнение толкнуло поэ-
та бросить философию и начать опять ри-
совать. Но уже не импрессионизм (первые
строфы, заметьте, — чистейший импрес-
сионизм), а... что? Абстрак... стоп! стоп!

«Он осыпается с телеги...»
Кто — «он»? Песок? Хронос? Если это
песок морской, то кто и за каким дьяво-
лом навалил его на невесту откуда взяв-
шуюся телегу? Пустынный брег, телега,
ни человека, ни лошадей... Бред? Сюр?

А если это — песок Времени, то что это
за телега такая?

Что за мешки рогожные? Для песку мор-
ского? — зачем? Для Времени? — что за
рогожа такая?

И — опять внезапный переход —
**«...И, недовольный, о ночлеге
Монах рассказывает ложь».**
Эти два последних стиха — сплошные
загадки.

Задержимся здесь. Ведь это финал —
значит, это важно.

Чем недоволен монах? Ночлегом? Наро-
дом (слушателями)? Своим похмельем? (Он
же, вероятно, пил вино в таверне ночью.)

Или он недоволен тем, что ему прихо-
дится лгать? Он что, рассказывает, будто
не пил ночью? Рассказывает, что хорошо
себя вел? Но кто его заставляет лгать? Ко-
му вообще это интересно?

Кто его слушает? Народ? Зачем народу
знать подробности о ночлеге монаха? И
нам зачем об этом знать? Подумаешь —
пил вино в подозрительном заведении.
Разве это — достойный предмет для фи-
нала? И зачем тогда поэт философство-
вал о Вечности? Чего было огород горо-
дить?

И потом — завал народ на проповедь,
так проповедуй, а не ври о себе...

Здесь, как видите, перемежаются воп-
росы к поэту с вопросами к монаху.

Решил говорить о себе — говори прав-
ду. Или помалкивай. Лгать-то зачем? Кто
за язык тянул?

Нет, монах не лжет. Он — «рассказы-
вает ложь». Это существенное иное. Поэт
неимоверно точен в языке. Лгать — го-
ворить неправду, выдумывать на ходу,
своекорыстно, о себе. «Рассказывать
ложь» — пересказывать историю, в кото-
рую сам не очень-то веришь. Лгать —
говорить свою ложь. Рассказывать ложь
— повторять чужую.

Вот и причина недовольства.

Чего же приятного — «рассказывать
ложь» — говорить то, во что не веришь.
А уклониться, видимо, нельзя. Хоть бы и
хотелось. И отклониться от канона нель-
зя.

Ложь обязательная? Каноническая?

О. МАНДЕЛЬШТАМ 44

**В таверне воровская шайка
Всю ночь играла в домино.
Пришла с яичницей хозяйка;
Монахи выпили вино.**

**На башне спорили химеры:
Которая из них урод?
А утром проповедник серый
В палатки призывал народ.**

**На рынке возятся собаки,
Менялы щелкает замок.
У вечности ворует всякий,
А вечность — как морской песок.**

**Он осыпается с телеги, —
Не хватит на мешки рогож.
И, недовольный, о ночлеге
Монах рассказывает ложь.**

1913.

Песок морского. - 1992. - 30 стр.

Так о каком ночлеге рассказывает та-
кая «ложь»? О ночлеге в таверне с ви-
ном? Или...

Или — о ночлеге, имеющем отноше-
ние к вечности? О ночлеге, который всех
ждет. О песке, которого на всех хватит,
— воруй — не воруй. О рогоже, в кото-
рую всех упаковывают... Стоп! А что ж то-
гда за телега?

Бескрайний морской брег. Телега. С
нее осыпается песок Времени. Старая.
Песок сыплется. Седое Время... Кутили
на рассвете, днем гуляли по базару, вре-
мя летело, его так легко воровать у Веч-
ности (она-то не бережет, она-то не счи-
тает)... И безоглядно, бездумно тратить
ворованное. А теперь вот — доехали.

Но довольно оттягивать миг торжест-
ва!

Взгляните на параллельные тексты.
Насладитесь совпадениями и ассоциа-
циями:

А. ПУШКИН ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

**Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.**

**С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел! мать!**

**Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшной
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!**

**Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега.
А время гонит лошадей.**

1823.

А?! Понимаете теперь, как мне хоте-
лось оттянуть миг разгадки, как хотелось
помучить читателя, зная, какой необычай-
ный, доставляющий наслаждение сюрприз
ждет его.

Совпадает размер, совпадает число
строф, совпадают тема утра (строфа II),
тема дня (строфа III). Я уж не говорю о
совпадении важнейших рифмующихся
слов финала: «телега» — «ночлега».

Хотелось бы знать, осмелится ли кто-
нибудь говорить о случайности сих сов-
падений. Ведь это значило бы вообра-
зить глухого и невежественного 23-летне-
го Мандельштама, не знающего стихов
23-летнего Пушкина.

На мой взгляд — здесь тема для дис-
сертации (не забудьте сослаться, пожа-
луйста).

В тот момент, когда футуристы (вслед
за «бесами») кричат о сбрасывании Пуш-
кина с парохода современности (огром-
ные колеса и ужасно тихий ход) — в этот
момент великий русский поэт Осип Ман-
дельштам разрабатывает классическую те-
му — припадает к тому же источнику, что
и Александр Пушкин. Не повторяет, не
копирует стройное гармоническое здание.
Нет, он лишет свою картину на тот же
сюжет, свои джазовые вариации.

Классические стихи 1823 года, и —
смесь импрессионизма с кубизмом в
1913-м. Какие годы!

У одного через два года — декабрь на
Сенатской, у другого через четыре — ок-
тябрь на Дворцовой...

У одного грубая «Телега жизни» (а мог
бы сказать «карета»). У другого вообще
ничего, лишь «44» — эзковский номер,
который прилепило начальство...

Но оставим спекуляции диссертантам.

Лучше снова и снова почитаем, смакуя,
пробуя на вкус, на ошупь, на язык, на
звук — восемь прекрасных строф. Вни-
мательно, осторожно — ибо стихи до
краев наполнены смыслом и красотой...

И, прощаясь, вздохнем о химерах —
они не чудовища, они просто несбыточ-
ные надежды. Среди которых, впрочем,
попадают и уроды.